

Олег Губарь

Энциклопедия забытых одесситов

Доктор Капелло и «мрачный год»

На своем недолгом по сравнению с другими европейскими городами веку Одесса успела пережить многое. Одним из самых чудовищных испытаний в самом начале ее пути была чумная эпидемия 1812-1813 годов. Читатели, конечно, что-то слышали об этом, но, не в обиду им будет сказано, едва ли сознают, какво пришлось первой, по существу, генерации одесситов, только-только с огромным трудом обосновавшихся на весьма негостеприимных берегах.

Несмотря на все трудности, стараниями герцога Ришелье (которому пришлось укрощать заразу в огромном регионе, в частности, в ужасающе пострадавшем Крыму) и его самоотверженной команды центральная часть Одессы стала обретать нынешние очертания. Сложилась сетка кварталов, в дополнение к Старому базару (Вольному рынку), на Военном форштате, стал обустраиваться Новый – на Греческом. Функционировали Гостиный, Мясной, Щепной, Дегтярный, Кузнечный, Овсяный, Рыбный ряды, Лесной рынок, Греческий базар, трактирные заведения. Давно работали Городской госпиталь и Городской театр, почтовая контора, мужской и девичий благородные институты, частные пансионы, достроили греческую Свято-Троицкую церковь, Преображенский собор, римско-католический храм. Финансировалась даже певческая и музыкальная капелла. По морскому берегу, Водяной балке, близ формирующейся Молдаванской слободки, на Пересыпи действовали кирпично-черепичные, салотопные, канатные, пивные, водочные заводы, обустраивались об-

ширные садоводческие хозяйства. С каждым годом возрастали обороты порта, совершенствовался карантин, усиливался приток гуманитарных и материальных ресурсов, формировались крепкие этнические и конфессиональные общины. Многострадальные пионеры уже стали было различать некие смутно заманчивые горизонты, как в Одессу нагрянула чума.

Появление «чумной заразы», мягко говоря, прогляпили, чтобы впоследствии сполна расплатиться не столько даже за халатность, сколько за нездоровый рационализм, а именно опасение потерять коммерческие выгоды. По архивным материалам выясняется, в частности, что в начале эпидемии умерших от заразы горожан хоронили на общем, то есть Городском кладбище, и лишь позднее – на обособленных погостах, которых оказалось гораздо больше, чем можно было предположить, что захоронения представляли собой «братские могилы» и др. Это не покажется странным, если учесть замечание адъютанта и родственника герцога де Ришелье, графа Рошешуара. Граф признает в своих мемуарах, что решение объявить карантин было несколько запоздалым, ибо суровые карантинные меры совершенно пресекали торговлю.

«Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама...»

В августе 1812 года много шуму наделала гибель трех актрис из труппы итальянских антрепренеров Монтовани и Замбони – «содержателей Городского театра», то есть заключивших определенный контракт с Одесским строительным комитетом. 29-го числа крайне обеспокоенный судьбой горожан градоначальник посредством упомянутого Комитета – основной управленческой структуры города – ввел чрезвычайное положение. Одесса разделялась на 13 санитарных частей, во главе которых стояли избранные комиссары и их помощники из самых авторитетных и благонадежных граждан. В их числе такие известные фигуранты ранней истории города, как купцы Амвросио, Андросов, Голиков, Инглези, Косовский, Кошелев, Ксенис, Мясников, Ростовцев, Сикар, чиновник Вейс и др. В их задачу входило составление локальной описи домов, ежедневный двукратный их обход с целью выявления заболевших. Если больной обнаруживался, призывал-

ся медицинский чиновник для освидетельствования, и в случае явного и даже сомнительного диагноза таковой горожанин отправлялся в госпиталь. При этом дом опечатывался и брался под охрану во избежание мародерства и выноса зараженных вещей. Далее принималось решение: сжечь оные вещи или подвергнуть очистке. Одесситам вменялось в обязанность дважды в день окуривать помещения, запрещалось принимать гостей. Категорически возбрали продажу *second hand*. На первых порах следовало наблюдать, чтобы не было скопления людей в питейных домах и других общественных местах. Закрыли дома терпимости, а всех проституток собрали в одном карантинном помещении, под страхом строгого наказания запретив принимать посетителей, как-вые в случае задержания несли равную ответственность. Позже, по объявлению общего карантина, горожанам вообще запретили появляться в общественных местах, даже храмы закрылись.

Сложилась ситуация, при которой зараженные на тот момент лица изолировались в Городском госпитале, «подозрительные» – в остроге, а многие граждане, прежде арендовавшие жилье, приезжие, мореходы и проч. – во временных карантинах, один из которых, например, находился в начале будущей Канатной улицы, в доме руководителя Строительного комитета военного инженера Ферстера, другой – в доме купца Прохорова, третий – в доме полковника Черненко и др. Для снабжения изолированных одесситов была создана специальная продовольственная комиссия под началом рачительного купца Крамарева. Представьте себе, сохранились архивные записи о том, сколько доставленных морем из Херсона головок капусты, корней петрушки, сельдерея, брюквы, моркови, свеклы получил тот или иной комиссар или его помощники.

В карантин поставлялась вода, топливо, свечи, дезинфицирующие средства (в первую очередь, уксус), посуда, одежда, причем немало авансом отдавали сами комиссары, с которыми рассчитывались уже после прекращения эпидемии. Во исполнение обрядов для иудеев создали отдельный карантин, куда привозили и морскую воду. Любопытно, что оказавшийся в плену и содержащийся в карантине на Пересыпи с 18 по 29 января 1813 года французский военный врач по милости Ришелье снаб-

жался отменно, не в пример многим горожанам. Меню включало и птицу, и говядину, и баранину (плюс расчет с приставленной стряпухой), да еще заплатили за дальнейшее его пребывание и питание в так называемом Клубном доме барона Рено. Долги эти погасили «из суммы, назначенной на продовольствие жителей».

Выдающуюся роль в ликвидации «чумной заразы» помимо де Ришелье и комиссаров сыграли военный комендант города Кобле, полицмейстер Мавромихали, карантинный инспектор Россет, члены Строительного комитета коммерции советник Рено, военный инженер Круг и др. Но главными героями этих катастрофических событий сделались, понятно, городские медики, в первую очередь, казенные.

Иван Францевич (Джованни Франческо) Капелло, высококвалифицированный врач, обосновался в Одессе не позднее 1802 года, и несколько позже был первым руководителем Городского госпиталя. Он обучался за границей, российского диплома не имел, тем не менее, совмещал должность по госпиталю, то есть Городской больнице, со службой «городовым врачом», да еще имел частную практику. В больнице Капелло был полновластным хозяином, и в 1808 году ему подчинялись смотритель (эконом), лекарский помощник, повитуха, мужская и женская палатная прислуга. Тогда же подрядчик купец Кирилл Антонов оградил госпиталь забором и соорудил баню. Госпиталь строился в 1805-1806 годах соотечественниками Капелло – небезызвестными Витторио Поджио и Франческо Фраполли. В 1811-м, по инициативе Капелло, к центральному корпусу стали делать различные пристройки, планировалось устройство пространных полуциркульных крыльев, однако чума внесла свои коррективы, и к этому проекту вернулись лишь в 1818-м.

Можно представить себе, что творилось здесь в разгар эпидемии, если учесть вместимость корпуса, скажем, в 1809 году: от 50 до 58 пациентов. По данным такого серьезного автора и современника событий, как маркиз Габриель де Кастельно, численность погибших составила 2.656 человек, причем он приводит скорбную статистику раздельно по портовому карантину, отдельно по лазарету, то есть госпиталю, отдельно по городу. Другими словами, эпидемия произвела своего рода децимацию, казнь каж-

дого десятого одессита – как минимум. Половина из них скончалась как раз в Городской больнице, и ее главный медик постоянно находился, что называется, на переднем крае.

«Поминутно мертвых носят,
И стенания живых
Боязливо Бога просят
Успокоить души их.
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой».

Сегодня в самом деле трудно себе представить, каково приходилось медперсоналу буквально в логове чумы, которая наводила ужас на целые страны и регионы как одно из самых коварных и разрушительных стихийных бедствий. Знаете, кто кроме медиков и полицейских имел непосредственный доступ к зачумленным? Преступники и добровольцы, вызвавшиеся ухаживать за ними на определенных условиях. Первые в случае благоприятного для них исхода оправдывались и освобождались подчистую, вторые требовали весьма значительного вознаграждения. Были еще добровольно нанимавшиеся за солидное жалованье мортусы, а равно арестанты – похоронная команда.

Мне удалось найти информацию о том, что некий «грек Иван» (в архивных документах фамилия не упоминается) согласился обслуживать зараженных за 1.000 рублей. Поразительно другое: подвергая свою жизнь непрерывной опасности, он не заразился и пережил великое множество своих подопечных. Восхищенный герцог Ришелье распорядился выплатить ему не только обещанную тысячу, но еще 500 рублей за сожженное его имущество. Полученная сумма позволяла построить довольно основательный по тем временам дом. Что касается арестантов-сиделок, семеро из них тоже ухитрилось выбраться живыми из госпиталя, их отпустили на все четыре стороны, да еще выдали на дорожку по 10 рубликов.

О мортусах в популярных краеведческих изданиях упоминали многократно. Сообщения обычно снабжаются пугающей картинкой, изображающей, как эти добровольцы в просмоленной

спецодежде выволакивают длинными крюками из домов умерших от чумы. Согласно архивным материалам, для перевозки мертвых тел использовались пожарные дроги, находившиеся в ведомстве полицмейстера: «...эта черная телега имеет право всюду разъезжать» (Пушкин). По миновании надобности Ришелье приказал сжечь импровизированный катафалк. Захоронения производились в братских могилах на специально отведенных за Городским кладбищем территориях в присутствии полицейского чиновника. Подвергавшимся опасности мортусам, полицейским, военным служащим, чиновникам бесплатно отпускали «горячее вино» (к слову, питейный откуп тогда сильно прогорел, но это другой сюжет). В пригородах практически стихийно возникли отдельные чумные кладбища – в Усатово, Нерубайском, Татарке, Дальнике, на Фоминых хуторах, Малом Фонтане, Сухом лимане, в урочище Куяльник, Молдаванской слободке. Как впоследствии свидетельствовал полицейский чиновник, «сии люди предаваемы были (земле. – О. Г.) иные в одеянии, а другие нагие, и в одно место по десяти, более или менее человек, и поверхность их была засыпаема негашеною известью».

Как принято говорить, кому война, а кому мать родна. Началось мародерство – темные корыстолюбивые типы соблазнились вещами, оставшимися от умерших зачумленных. Таким путем зараза перебежала от дома к дому и тогда, и в чумные эпидемии 1829 и 1837 годов. Предусмотрительный Ришелье объявил одесситам о том, что оповестившие о сокрытых кем-либо зараженных вещах будут щедро вознаграждаться. В результате ему, в основном, удалось пресечь мародерство. Архивные документы сообщают о том, например, что некая Мавра Трубачевская сообщила городскому полицмейстеру П.С. Мавромихали о спрятанной в Дальнике зачумленной верхней одежде, белье, подушках. Все это беспощадно предали огню, а гражданке выплатили стоимость вещей – 150 рублей. 100 рублей в такой же ситуации получила еврейка Перла Абрамова. В тот период по распоряжению герцога сожгли и несколько зачумленных жилых помещений, а затем оставшимся в живых хозяевам выплатили компенсацию. Была даже создана специальная комиссия, занимавшаяся делами наследников жертв эпидемии.

Кошмарные подробности хотя бы отчасти воссоздают атмосферу «Города Чумы», когда городские врачи, ежечасно рискуя жизнью, выполняли свой долг, пользовали многочисленных инфицированных. Большинство из медиков пало жертвой эпидемии, и в их числе доктора Капелло, Ризенко, Кирхнер. В архивных документах четко обозначено (орфография оригинала): «Капелло старался помочь заразившимся штаб-лекарям Кирхнеру и Ризенку, и, как полагают здесь, и сам от последнего заразился и потом дня через три помер». Другими словами, он собственноручно вскрывал чумные «бубоны» коллегам, подававшим некоторую надежду на выздоровление.

Что мы знаем сегодня об этих героях – подлинных, не липовых? Разумеется, наша память им до лампочки, они, совершенно забытые, в ней не нуждаются, поскольку держали ответ на другом уровне – на том, где никого и ничего не забывают. Никому и в голову не придет поднимать не что бы вопрос об их канонизации, но хотя бы установке мемориальной доски на старинном здании Городской больницы – той самой, где они погибли, спасая жизни одесситов. Потому одной из самых радостных для меня находок последних лет считаю архивные материалы, позволившие получить некоторое представление о частной жизни доктора Капелло.

Он был счастлив в своем деле, но несчастлив в семье. Девичья фамилия его супруги Надежды Аполлоновны мне пока неизвестна. Взял он бесприданницу, по любви. В духовном завещании есть такие строки: «Я с нею в приданое ничего не получил, кроме саможесточайших огорчений». Разбирательства, связанные с его наследством, свидетельствуют явно не в ее пользу. «Известно, что жена Капеллы, – докладывают Ришелье в связи с ее претензиями на имущество покойного, – несколько лет с ним не жила, и что о разводе их производится дело». В последние годы Иван Францевич имел при себе сына, имя которого пока тоже неизвестно. Юноша скончался от чумы недели за три до отца, и доктору Капелло пришлось испить и эту чашу. Надежда Капелло ушла от супруга с несовершеннолетней дочерью Цецилией, которой отец перед кончиной отказал все свое состояние. При этом оговаривалось, что в случае ее смерти наследниками становятся

отец доктора Серафим, «а после его старший брат Луиз (то есть Луиджи. – О. Г.)».

В жалобе на имя Ришелье бойкая супруга покойного заявила, будто завещание составлено человеком невменяемым, в горячем бреду. Герцог обратился к военному коменданту и одному из руководителей Строительного комитета генералу Кобле с пожеланием разобраться в ситуации. Авторитетная комиссия и свидетели категорически отвергли предъявленные претензии: Капелло составил завещание еще 13 сентября 1812 года, до кончины сына, определив наследниками его и дочь. «Сын умер прежде самого Капелло без малого за месяц», и тогда доктор вымарал имя сына в собственноручно составленном на французском языке документе. Следовательно, Капелло ушел из жизни в последней декаде октября. Это подтверждается и выплатой жалованья сменившему его врачу Родецкому с 1 ноября 1812 года. Своим душеприказчиком Капелло назначил штаб-лекаря Ризенко, однако внести перемены в завещание после смерти последнего уже не успел. Завещание сохранилось, но не могло быть официально узаконено, поскольку все присутственные места в то время были закрыты по приказу де Ришелье. Впрочем, герцогу сообщают, что Капелло все же вышел из чумного госпиталя специально для составления духовной (очевидно, к нотариусу), «был совершенно здоров и полон рассудка», то есть дееспособен.

Невероятно, но по причине претензий супруги изучение всех обстоятельств дела о наследстве было столь тщательным, что мы располагаем живым свидетельством буквально о последних часах доктора Капелло. Свидетельствует священник, иезуит Маттео Молинари (перевод с итальянского коллежского регистратора Якова Лоренца, орфография оригинала): «В день кончины или смерти доктора Капеллы, в 3 ¹/₂ часа пополудни, я, нижеподписавшийся, совершил с ним то, что требует должность пастыря или священника. А кончивши, я приблизился к нему, он простер правую руку к одному месту в своей комнате, близ печи, и при сем произносил слова, коих я не мог понять. Человек, который присматривал его, Капелло, прислушался к нему, с тем чтобы разобрать произносимые им слова, но болезнь столь более усилилась, что уже никто его не мог понять. Я и находившийся при нем че-

ловек выслушивали его около пяти минут, и когда я обратил взор свой на то место, что покойный Капелло показывал, то помню, что я ничего более не видел, как затопленную печь. Я рассудил, что присутствие мое более не нужно. Следовательно, давши ему мое благословление, на которое он отвечал, я удалился. Однако я не успел уйти от дому шагов на двадцать, как вдруг остановил меня казак, я обратился и увидел бегущего ко мне навстречу того самого человека, который находился при упомянутом Капелле. Сей человек говорил мне, что доктор Капелло меня зовет к себе, чтобы я и комиссар помошный были свидетелями при некоторых его делах, кои он по себе оставляет. Из сего понял я, что дело касается до сделания духовной, на что я отвечал, что подобного рода дело ко мне не принадлежит, но что же касается до комиссара, то не худо его призвать. В горнице, где умер г. Капелло, находилась также женщина нестарых лет, но низкого звания, и сия вместе с вышеупомянутым человеком присматривали умершего доктора Капелло. Я – как женщину, так равно и человека, не знаю. Все мною выше поясненное происходило в доме близ гошпиталя, в саду состоящем, и ныне в чем и утверждаю. На подлинном так». Это действительно уникальное свидетельство, поскольку, по зафиксированному документально официальному сообщению причта греческой Свято-Троицкой церкви, в разгар эпидемии никаких обрядов над умирающими и умершими православными не совершалось. Да мы не имеем никаких других данных о совершении подобных обрядов и у католиков.

Капелло скончался в отдельном флигеле при руководимой им больнице, до последнего часа оставались с ним преданные служители, надо полагать, его подчиненные, имен которых мы, к сожалению, не знаем. Ясно только, что они его самоотверженно любили. Дом свой, находившийся в пяти кварталах от госпиталя, на углу Торговой и Софиевской, с 1 апреля 1812 года доктор сдавал внаем капитану над одесским портом коллежскому асессору Скандракову. Занятно, что супруга покойного Капелло не оставила без алчного внимания и этого арендатора, заявив, будто он присвоил «разные картины, стоящие дорогой цены, и мебель». На самом же деле, когда сам Капелло предложил арендатору оставить всю обстановку, тот отказался из опасения, что она

может быть повреждена его малолетними детьми. Поэтому доктор все это вывез.

После его кончины все вещи опечатали «в одной комнате при карауле», затем их по частям очистил ветеринарный врач Салов в чумном госпитале при свидетелях. Судя по всему, они действительно были ценными, поскольку выручка с аукционного торга составила 3.168 рублей 60 копеек. Кроме того, осталось 160 рублей наличными, хирургические инструменты и мебель, а главное, превосходная библиотека, которую специально очищали в портовом карантине. Очевидно, это было одно из крупнейших на тот момент частных книжных собраний – 467 наименований, да еще пять географических карт. Книги решено было тоже продать с публичного торга, «потому что они наследникам не нужны».

Дом оставили в заключенном контракте – с тем чтобы прибыль поступала к опекуну малолетней Цецилии, титулярному советнику Лале, а он контролировал банковский оборот с процентов. Капелло владел также хутором на Малом Фонтане, однако основательно обустроить его не успел – там построили лишь временку, где хранились рабочие инструменты. Было еще три лошади, несколько хомутов, хорошие дрожки, железные санки, товарная шерсть, старая скирда и др. Разборки с Надеждой Аполлоновой прекратились с решением комиссии в январе 1814 года. В июне она уехала с дочерью в Москву, предварительно обратившись в Строительный комитет с просьбой присматривать за домом и хутором Цецилии.

Повзрослевшая наследница объявилась в ноябре 1825 года, когда по ее доверенности неаполитанский консул Феликс де Рибас запросил в Строительном комитете владельческие документы на дом покойного Капелло. Когда в конце января – начале февраля 1826 года городская полиция «учинила исследование» на предмет того, как достались доктору оные участки, пустые или застроенные, на собственный ли капитал он строился, и не проданы ли уже те строения с землею, оказалось, что во всем квартале (а кварталом называли квадрат или прямоугольник застройки в четыре квартала) не осталось ни одного старожила. Это лишний раз свидетельствует о том, насколько мощной была тогда ро-

тация горожан, в том числе и по причине катастрофических эпидемий. Дом этот по недосмотру был разорен, но осенью 1825 года отремонтирован де Рибасом. Сам де Рибас, архитектор Джованни Фраполли и правитель канцелярии Строительного комитета Богданович как свидетели событий показали: Капелло построил дом и служебные помещения самолично. И по определению от 1 марта 1826 года Цецилия получила владельческие бумаги.

Здесь уместно отметить деловую расторопность доктора Капелло, который на самом деле успел построить в Одессе несколько домов. Один из них он в июне 1809 года уступил городу, остро нуждавшемуся в жилплощади для чиновников по довольно сносной цене, причем в рассрочку. Дело в том, что в конце апреля Рибас решил продать одно из ветхих казенных строений, а взамен приобрести новый дом Капелло, примыкавший к Казенному саду, то есть саду, подаренному де Рибасом в ноябре 1806 года. Дом этот в три окна по фасаду со всеми строениями до мельчайших деталей описан в архивных документах: площадь главного строения составляла более 105 квадратных метров, был также облицованный камнем погреб площадью более 40 квадратных метров, флигель площадью более 160 квадратных метров с небольшим погребом, сарай с погребом из бутового камня, землянка из бутового камня («людская»). Строения снабжены четырьмя голландскими и одной «варистой» печами. Большой участок размером 30 на 30 сажень, то есть более 60 на 60 метров, обнесен каменной оградой на фундаменте, высотой около трех метров, с деревянными воротами, «сверх оных карниз и архитрав». По этому образцу можно судить о приличных одесских домостроениях начала XIX столетия.

Место дома и участка Капелло, что символично, ныне занято Научной библиотекой и мастерскими Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Как видно из плана города 1814 года, жилой дом стоял фасадом по красной линии Преображенской. Смежное место тоже некоторое время находилось во владении Капелло, однако он не имел возможности его застроить, и земля отошла к городу, была присоединена к саду, впоследствии сдавалась в аренду под кафешантаны, а затем там построили летний театр. Со стороны будущего Малого пере-

улка и Преображенской соседом доктора был небезызвестный австрийский консул фон Том. Судя по архивным документам, доктор был в дружеских отношениях с самим Ришелье, фармацевтом фон Шмидтом, чиновником Скадовским, офицером Шемиотом, упомянутыми Лале, де Рибасом, Поджио, Фраполли, Вейсом, не говоря уже о погибших коллегах, и другими известными фигурантами ранней истории Одессы.

Вот почти всё, что я сейчас знаю о докторе Капелло в контексте тех давних событий. Похоронили ли его в братской могиле, как других, или, уважительно, отдельно, теперь никто не скажет. Много лет спустя на вершине искусственной насыпи над христианским чумным кладбищем по указанию М.С. Воронцова установили мемориальную плиту в память о жертвах чумных эпидемий. Давно уже нет этого памятного знака, однако о безымянных одесситах, по крайней мере, напоминает сам холм, до сих пор именуемый в народе Чумкой. Вряд ли кто знает о том, что обособленное еврейское чумное кладбище и вовсе лежит под ногами прохожих.

